

Михаил ВОЛОХОВ

НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ

Трагикомедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

О н

О н а

Наши дни

Сцена условно поделена на части. Где-то может быть уголок городского парка-скверика со столиком и скамеечками, где-то - часть комнаты с двуспальной кроватью, креслом-качалкой, теле-видеотехникой, детской коляской; где-то на стене висит икона, где изображено распятие Христа. На заднике изображен некий сюр: советские жилые дома, силуэт храма Василия Блаженного, Эйфелевой башни, «голубые» крыши Парижа. При явном контрасте сценография сцены должна являть собой одно органическое целое.

*О н - полулежа на кровати, просматривает порнографический журнал.
О н а - сидит в кресле-качалке и качает детскую коляску, из которой доносится плач младенца.*

О н (достаёт из кармана презерватив, надувает его, затем отпускает - шарик-презерватив пролетает по сцене - как «первый искусственный спутник Земли».) Пиип-пи-ип-пиип-пиип. (Когда шарик-презерватив падает). Кажись, гравитация. Земля родная. Россия матушка.

О н а (напевает, качая коляску). Баю-баюшки-баю - я тебе еще налью. Баю-баюшки-баю...

О н (перебивая). Мандавошки, мать твою, там где член растёт в раю!

Она оставляет коляску - плач прекращается.

Ученый наш Сережка - Шаляпин Ша Шилепин!

О н а. Кушать хочет.

О н. А кто не хочет? (*Наклоняется над коляской.*) Ути, ты мой сморчек-губошлеп, Христосик Исусик, персик, кровь с молоком с бормотухи - за доллары Иуда - чтобы прокормить.

О н а. Христос - где Чисто, Сто - Число, и полнота вся Бытия без времени маразма.

О н. Как народ на Запад время прёт немеренно заразно.

О н а. Там Штаты рядышком везде - вечнозелёные в муде.

О н. Покажи, пожалуйста, свободу бюста своего. У меня такой есть нежный язычок.

О н а. Под кофточкой свобода. А здесь уж точно очень холодно в пространстве.

О н. Мать-Россия на пожар вся тронулась земной, а тебе все холодно в пространстве.

О н а. Пространство - дальнейшее мёртвое поле, усеянное ближними костями. (*Меняет настроение.*) Плащец-гандон сними, пожалуйста, сначала.

О н. Да снял давно уж шарик голубой!!! (*С силой, дико, реально пинает презерватив лежащий на полу.*)

О н а (*отрешенно*). О моё детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на Истины Сад. Счастье и Вера просыпались вместе со мной каждое утро. Весь, весь белый! О, Сад мой! После тёмной и ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... (*Резкий переход на шармированную эротичность.*) Если бы снять с груди и плеч моих тяжёлый камень, если бы я могла забыть моё прошлое! Пора понять - Звездою - что станем мы называть. Россия-Матушка Вселенская Одна - Стала Мира Звёздным Языком.

О н. Чего? (*Обнимает ее за талию.*)

О н а (*высокомерно отстраняясь от него*). Грязная-холодная. На другой бок студёный, бедняжка, переворачивается. С залежки-то на колымской мерзлоте коммунизма веры вечной человечества.

О н. Всем ща холодно. (*Без перехода - в состоянии резкой агрессивной шизы.*) Вот сброшу ща Шаляпина Шилепина Серёженьку с балкона, совсем окоченеешь при таком базаре антикоммунистическом, не верящее в кофточке влагалище!

О н а. Холодно наверно!!! (*Бьет его ударом карате - ребром ладони - по почкам.*)

О н. Ух, ты и... (*Подкалывая, садомазохистки.*) Целочка-Аннушка, сучка Каренина, Манька - чио-чио-сан богемная бомжа, трехвоксальная чухарка. Чай, потеплело маненько с нагрузочки мышечной, Любочка Андреевна?

О н а. Покажись немножко. *(Трогает его за пах.)* Где вороной твой, Вронский?

О н. Тама. Был тама!

О н а. Драть нацелился девочку-целочку. А на хера мне без фуя - когда с фуями до хере. Ты меня что - раньше презером одним симфонил?

О н. Падлой, буду - неее!

О н а. Холодно, барин облезлый!!! *(Хочет его ударить.)*

О н. А на кондо кондовое, камельюшка, нарвешься - а?! *(С силой бьет «кондо» по кровати, столу, скамейкам, креслу - замахивается на детскую коляску, но не бьет - останавливается - будто видит эту коляску первый раз в своей жизни.)* Тили-бом-бом-бом. *(Страшно испуганно, отчаянно истерически, возможно даже по зековски поет, как сумашедший.)*

Мать моя, жени меня -

Все умею делать я!

Траву косить, задуть просить,
Железо гнуть и в жопу вдуть!

О н а *(искренне жалея его, по-человечески)*. Спел бы, граф, Анну Каренину, Фирс, барон, душечка.

О н *(по-человечески)*. Заперто, уехали. Про меня забыли... недотёпу. *(Умоляюще, по-человечески.)* Если только дашь.

О н а *(искренне)*. С радостью - согреюсь только, лапушка.

О н *(с полнотой детского отчаяния и упрёка - очень наивно)*. Ну, какого, долго согреваться-вредничать - в процессе - давай быстро ща розочку-целочку-лепесточек языком как пчелка хоботком.

О н а. Ты лучше хоботком любви скажи небренные слова.

О н *(увесисто)*. Я предлагаю натурально языком повкалывать на клитор колибровочно.

О н а *(просветленно)*. Целколиз - лизалец реалист. Дай куснуть шампур для дегустации. *(Трогает его за пах.)*

О н *(возвышенно)*. Я так хочу, когда хочу - ну просто зауродую!

О н а *(вкрадчиво, лукаво, улыбаясь)*. Но я там ощущаю пустоту. И нет там звездочки твоей.

О н *(с предельной степенью общественного отчаянья)*. Вагиночку прогрыз на месте члена, Солженицын! Орально чтобы только дальше воскресать интеллигенцией шакальной.

О н а *(лично о своем, но с еще большей степенью отчаянья)*. Ну будем мы когда-нибудь по-человечески трахаться! *(Плачет.)*

О н *(в полной шизе)*. Тебе вшили мой членище - сама теперь с моим членищем членозалупайся .

О н а *(приводя себя в нормальные человеческие чувства)*. «О, мои грехи... Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не

наказывай меня больше, господи». Мой муж не умер от шампанского. Он вот он - дивный муж. Купили дачу возле Ментоны на тёткины последние шиши. И хоть он обобрал меня, сошёлся с шалавой другой - получаю факс сегодня. *(Наивно, по-детски, возвышенно.)* Он на невидимой стороне луны и просит у меня, у солнышка, прощенья - хочет теплоты. А солнышко само замёрзло в этом непонятном, скользком и холодном свете лада не найдя.

О н *(с еще большей степенью наивности, по детски и возвышенно)*. Солнце летит на Восток крылатой птицей, медленно солнце садится в черепашую нору... *(Опять входя в реальную шизоидность реального пространства, мучительно.)* Мясо жрать надо, чтоб не было холодно, солнышко! В духовке-то духовной давно готов сынишка наш Серёженька живой!

О н а *(абсолютно реально, по-человечески)*. Нет!!! *(Бросается к коляске, качает ее - плач младенца.)* Нет.

О н. Уфф. *(Махнув рукой, подходит к коляске, заглядывает в нее)*. Не боись, Андреевна, - жив Христосик Иисусик наш непорочный, жив радушка. *(Кладет ей руку на плечо.)*

Она оставляет коляску - плач младенца прекращается.

(Искренне, по-доброму, светло, постепенно восторженно возбуждаясь.) Не печалься, Любушка, у нас там негр вчерашний в духовочке печеный - дипломат с Мали - таблеточка-чумазая-конфеточка - зелёный обезьян спидяк. *(Приносит из кухни мясное блюдо, ставит на стол, режет на куски, сервирует по тарелкам.)*

О н а *(садится за стол)*. Пока живешь ты временно на свете - ты вечно хочешь есть.

О н. И нас ведь, Ёриков, есть тоже будут, Манечка, черви паразитные!

О н а. Ой, хоть дай поесть спокойно. Мы, быть может, люди ниоткуда - поэтому поэты.

О н *(влюбленно)*. Ниоткуда - это Вечность на невидимой звезде.

О н а *(прикалывая)*. Чай, не родился нигде еще червячок твой, Владимир Ильич, тебе для мавзолея.

О н *(заигрывая)*. Да не хочу я в мавзолей, революционница! Я те сбегрю меня в холодильник, на витрину, в мавзолей.

О н а *(флиртуя)*. Ты, клоун Ёрик, в мозги датский, сам не знаешь, что ты хочешь.

О н *(агрессивно)*. Трахать тебя хочу! *(Пытается сорвать с нее кофту.)* Хочу, чтоб меня мой червяк червивел, сука, органично в своё время!!!

О н а (с той же степенью агрессии). Ну и получи в серёдку почки червячка органично своевременно!!! (Бьет его ребром ладони по почкам.)

О н (мазохистки улыбаясь, удовлетворенно).

Анка-пулеметчица-чума. Который вечер с тобою мы не голыми в постели.

О н а. Французы днем сексуются, пострел. Ты ж транссексуэлем гребаным французским здесь в иммиграции во Франции заделаться мечтаешь, дядя Ваня!

О н. Ты не за меня? На халяву хочешь с моей жопы из дерьма совдепельского выскребстись?

О н а. Мудозвон. К сороковнику-то каким мудозвоном перезваниваешь. Ты что, вечно хочешь замудозваниваться и замудозваниваться? И чтоб я еще с тобой тут замудозванивалась в Мире?

О н. С кем я свенчался? С какой шалавой покупной живу, творю, работаю, люди мои добрые родные. (Плачет.) От меня зависит, что кости, на хер, навечно каменеют во вселенной этой каннибальской, а мясо с душой и спермой святою в Дух Святой сминаются? Спаси меня, Машенька-Бог! (Стоит на коленях, плачет в ее объятиях.)

О н а. Бог тебя спасет, Венечка.

О н. Только ты мой Бог, Машенька!

О н а. Бог милостив, простит.

О н. Лев Толстой и в Бога верил, и мясо ни хера не жрал - все равно всосался антишекспирьянс в норушку.

О н а. Это Софушка его, сырого вегетарианца, на курином холестеринном бульончике овощном держала.

О н. Жинка венечная называется. Прихерачить надо было такую жинку - рагу с ее попки спрепарировать. О, бесконечные, вечные женские попки заплечные - млечные. И быстротечные, если беспечные. За твою же попку осевую на обезчленивание пошел, Машенька, в этой всей системе социоанальной, с революциями ломаечными, каннибализма в законе, хер мой кондовый гондонный, сука, девочка-целочка рваная - хер заломаешь - только на кофточку. Думал, с целкой здесь, вшитой в Парижике, кагэбухи до меня не дотянутся, когда о твой упругий позвоночник обопруть. (Рыдая, хочет её раздеть.)

О н а. Не Христос пока - дьявол на любителя! (Бьет его пяткой по почкам.) Холодно действительно. (Одевает кофту.)

О н. Всего же дьявола с меня повыбила гондонного, ментавра! (Поднимает с пола презерватив и бросает в нее.)

О н а. Кончишься ща, дьявол окалёванец - с глазом без всевидящего ока покупное зло. Хотел себя, как и всегда, чудесным образом каким-то из самобичевания изъять, когда рубили сук, интеллигенция, на котором

сами почивали и спокойно-верно, тихо-мирно пели хором за социализм.

О н. Да и все без Знания Единого. И когда поели сами за других – говорим, что нет голодных. Да я-то, блин, любил с двумя рублями, но на равных, со всеми миллионами рабочими прелетарственной страны ходить за хлебом и кефиром с сеткой в магазин и мечтать про запорожец лимузин.

О н а. Русский Рок – что хером в рот.

О н.

Она была Печорская,

А я был - кот Ангарский.

Ты трахалась по-черному,

А я тебя имел - по-царски.

А теперь совсем пошла свобода членом мыслить вместо головы.

О н а. я клитору побольше доверяю.

О н. За Джо неуловимым поскакали - который, на хер, только кому и нужен на Руси.

О н а. Смерть придёт, и Джо за шкурку схватит. Помнишь негра из кино, в учебке?

О н. Нежненькими пальчиками лучше, а не кулаком входить рукой меж рёбер и там рвануть за сердце негритоса - чтоб его – сердечко-то родить. Как нас учили смерти гуталинной для врагов чернейших, наши старшие товарищи по классу.

О н а. Ты нежненькими пальчиками своими бросил нашего светлейшего Серёженьку вчера в мусоропровод! *(Бьет его по почкам.)*

О н. Он - светлый ангел подлетел к мусоропроводу самолично - нырк туда и всё.

О н а. Жрет живьем своих детей Россия-матушка мусоропроводная - только плюхнись на язык.

О н. Да этим языком одним в России только и живёшь. Чистым русским смехом ходишь проутюженный.

О н. А русский точный мат осмысленный - как жертвует собою, сакральный выход находя из лажи, галдежа и лжи, чтоб изжить проблемы, а не пережить, ёпт вашу мать - вы память потеряли – имели свою мать.

О н а. Поэтому - идите на хер, пидоры, сначала - оплодотворитесь - свои мозги в порядок с сердцем приведите. Серезенька родной! *(Бросается к коляске, качает ее - плач младенца. Отходит от коляски - плач младенца прекращается.)*

О н. Ты, девочка, Сарочка моя, из Парижа Россию только полюбить умеешь языком. Ты, сучечка, ее в Дубне, вон, конкретным хером полюби и без гондона - сразу спидохетту словишь заграничную в кровеносную систему для беспомощных врачей.

О н а. Я тебя потом - хер домой пущу.

О н. Вот и гибнет из-за вас, шалав российских, российская Россия прямо здесь в Россиюшке самой.

О н а. Не виновата я, что захотела в Париже клошаркой в картонной коробке издохнуть, а не в лагерях мордовских политически.

О н. Да даже в Париже и здесь, вон, сейчас - в Булонском лесе не стоишь ты черножопым поревом в каюк.

О н а. Они сами, клиенты эти шоколадные, дорогие калорийные по интернету вычисляют нас - чтоб мы их вычисляли. Сейчас кило неграсса на рынке - сороковник тянет по рублям - если это очень даже и по-божески пихнуть.

О н. Мы государство не кидаем. Мы народ питаем мясом крайне свеженьким, в Дубну.

О н а. Чтоб хорошо стояло у глобального народа во имя деточек грядущих с кровью на снегу.

О н. И нет надо мной больше церковников совдепельских, что тайну исповеди отчаянья моего, меня пожирающего, за серебрянники кондовые-гондонные гебистам переторговывали!!!

О н а. И когда крестилась - тоже заявили - нехристи!

О н. Хотя Христос сначала, а не помогалы. Христос Во Имя Истины ж Воскрес! Но бес в ребро пролез. Иоська у церковников властвовать учился. А надо бы у Бога - коли власть от Бога. Вначале было Слово. И Слово было - Бог. Всё через Него начало быть. А без Него ничто не начало быть, что Начало Быть.

О н а. Да что, трендеть-то словесами, на хер. Наркоту отвезть в совдепию с Таджикистана, и мы сразу - Боги на Земле улетные без слов.

О н. Сотни тыщ печатают ребята. Не одним же черномазым наркоту в кишках возить. На прошлой неделе у ЦУМа бибизьянка наркоту толкала. Голову ножовкой в туалете за двадцать копеек спилили на супчик автопилотом. Глянем, что ль, кассету видео: ампутацию неграмотной башки? Сразу, мать, ссыкуха, разогреешься.

О н а. К вонючим неграм не могу я больше прикасаться даже и сознанием. Хотя сношаться с ними просто, как в раю.

О н. У них такой развод анальный, Манька - им так приятно вас сношать, что даже вам, марухам, нравится визжачкам, как вам передается, как им приятно вас сношать. Да если мясцу негритосскому дать денек в молоке полежать - не так уж и воняет подлецом - есть, сука, можно холодцом. (*Нюхает еду на столе.*) Вот ты, на хер, молодец - ноги у негра крепко держала, когда ему я спиливал башку. Приканал к нам на ночь сексоваться. Сандвич транссексуальный ему тут за сто франков. Как угря копченого, негра хер захавали - без косточек бесплатно.

О н а (*поет*).

Как на нашу на деревню

Прилетели гуленьки.
Прилететь-то прилетели,
Улететь-то - дуленьки.

О н. Мы все советские тварюшки так генно любим сладострастно убивать, чтоб коммунизма было больше для оставшихся в живых, академша бабьего удара по нутру? Если меня грохнуть приказали - не насилуй взором.

О н а. Сделай мне ребеночка и все!!! (Обнимает его.)

О н. ВСЁ возникло после Всего - после Да, Нет. Но, возникнув сразу - стало стрелой и прошло в центр. Но кто ж объединит Да с Нет. Оно объединяется только в середине золотой. Как говорил Христос - и не клянитесь, а говорите - Да-Да, Нет-Нет. Понять Нет - это тоже Жизнь. Со стороны минуса существует плюс. Со стороны плюса - минус. Но дело в том, что этот плюс лежит в минусе для минуса. Никто себя минусом не признаёт. Поэтому получаются совершенно квадратные отношения - в нашей Паре Жизни Этой Повсеместной, которая рождает Малыша нам в Никуда.

О н а. Так офигенно так всё говоришь - я просто сидя и кончаю.

О н. Я, вон, раз приспичило, днем в миди э деми, здесь у Эйфелевой башни пописал - хер мне кто слово поперек сказал - сразу б зашиб за грубость француза, в клизму, вежливого. Тут, сука, в Европе такая революция мировая нужна, чтоб к норме все свести - человеческой советской нормальной единой норме, на хер! А то негров с арабами, животных домашних, развели? Тут давно пора кабак открывать на Шанзелизее с тушеными-копчеными арабами да неграми. У меня в Москве подробовал бы один негр Эйфельную башню обоссать - я ему сразу съяснил, как в столице топят в собственной моче.

О н а. Эйфельная башня, Федя, нечай есть в Москве?

О н. Ну, Аглая Родионовна - памятник Сергеичу на Пушкинской-то площади. Пушкин, что Сашок.

О н а. А - ну он трахался - чуешь сквозь столетия.

О н. Ну так, чумазый - чумовой ходок-то, на хер. Я супротив на лавочке сидел - тебя снежинку ждал с Воронежа - грелку-нимфоманку. Ты, сука, тогда задинамила свиданку, щипачка, лярва, сука нотная. С полкашем, паханом с Афгана баралась за тугрики. А тут, откуда ни возьмись - негр из-под земли в дупелину окосевший, мокрота не растертая, обломился-появился, да и ссыт и серет на Пушкина, на хер. Народ столпился - не ропщет народ, сука, живому негру рад - Пушкину, монумент свой обсирающему, сочувствует интеллигентно понимающе, на хер. Да я б тоже промолчал орально, сука - да очень мачо Пушкина люблю. Я к менту-то охраняльщику - дай добро, сука, негра забивштексить. Кивает мент согласно, козырной. Подхожу к негрушке: «Здорово, новый Пушкин с африки чумазой - памятник - не пальма -

обсирать-то при народе здесь. А он мне - негр этот, на хер: «Не учи отца клитор штопорить - вчерась жинке Верке мочевой пузырь локтем проверил, заочурилась ведьмуха, на кухоньке холодная, вонючая лежит с венами консервной банкой крышкой шпротами покромсатыми - и ни хера - три дня с полтинною уже не воскресает! Ну, не могу же я, друг, на этой кухоньке хоть и за ее царство ежкино водочкой чаюшничать, да шпротами прошлогодними с этой банки закусывать! В холодильник в «Юрюзань», даже если покрошить-то Верку по кусочкам, все равно не влезет». В мой огород бульник, сука, закидывает. «Понимаешь, друг, не будет, - говорит, - рублишка до завтра, усрись - верну, на хер, друг».

О н а. «Ты, сука, - говорю, - рябчик, лох, у Пушкина еще с Володькой-Сережкой сбядяж рублишко до того свету камнестического - к жинке, на хер». «Да Володька Ленин из гроба поднялся, - говорит, - пошарил в штанах, рублишко подкинул. Сержу Дункан воскресить надо, задолбала его Дункан на том свете в доску, на хер. Со всеми бывшими потаскухами есенинскими союзный договор подписала, валюты никому не дает, а дровишки из лесу, вестимо, под серёжкины чертовские котлы только на сожжение даёт. Температура, говорит там, на хер, и мёртвым не втерпёшь. Не, у Сережки есть рублишки, только он их, на хер, на валютку меняет - чтоб оттэль слинять. А у меня хер в кармане, когда валюта ночевала. А Пушкин мне барским жестом - разрешаю тебе Гвидон открыть сортир округ мене валютненький - лавы, как отечественный производитель, честной пахотой за счёт говна, что падает на нашей территории нажать - памятник у государства мне обратно в частную собственность выкупить. С Сережкой, на хер, на рублишки - бумагу нарезанную, если ты еще мудака, поменяешься. Ща первую пробу говна и отсираю, на хер, для закладки фундамента». - Не, ну я Пушкина прошу подтвердить слова для резюме, на хер. А Пушкин немотствует задумчиво. «Что-то, - говорю, - в сортир луканулись делишки твои, повязли ласты, на хер, белый негр генерал - в обете молчания, на хер, Пушкин, вечного. Но телеграммку от Пушкина - масленка, пульку свинечную в гондона Дантеса усатого, ненашенского, получите срочную на предъявителя, на хер, за всех, сука, девочек, гондонами попорченных». Ну и хрясь ему левой ступней свинечной по челюстяге, как шлагбаумом - инвалидом одиноким, сука. Он на корячки - трупом, гад. Но смотрю, каракатица, через пару секунд опять шевелится. «Ну, тогда и распишитесь за телеграммку, сука, на хер!!!» Беру за сопатку этого живчика и в его же дерьмо будкой раз десять с нажимчиком макаю мускулисто, сука!»

О н. Вооо!!! Умеешь, когда хочешь - глаголами одними, вскормленно с копыя, как в «Слове о полку»!

О н а. И по затылку еще как прихлобучу каблуком керзушным печатным - он и замер в своей телеграмме печатью вечного дерьма.

О н. По стойке «смирно» народ стоял. Гладиатором, Высоцким после Гамлета выходил из толпы народной. Преобразившимся, Богом причастившимся, Христом воскресшим на небо блаженным свеженьким отчаливал Маратом - с хером в чужой жопе в монументе каменном застывшем и граненом, на века грядущие - только, на хер, мне зачем и обосравшись в этом монументе. Преображение - Момент - величайший в мире, когда всё должно преобразиться.

О н а. Бытиё должно полноту обрести. Не отбросив что-то в Мире, не сказав, что что-то плохо и неправильно. Всё неправильно - как правильно всё то же.

О н. Но ложь другою станет, как и правда. Мир наш не действительный. Но он отсутствуя присутствует, обладая полнотой.

О н а. Мы односторонни люди - нам надо пристальней на мир залупоглазить и найти ключи. Типа - интернет, компьютер, единая монета, негр за компьютер и из интернета - голова его.

О н. Картинку надо делать, Машка, Бытия. Не призрачно - в сознании. Из нового знания - новый этап принципа всех Знаний формируется - настоящее, истинное знание. Если прочный есть уже разделочной пилы инструмент рабочий.

О н а. Отсюда мера наказания высшая - поставить к стенке. Истина - Стена. Где предел, где в полный рост стоишь перед законом.

О н. Не зря высшая мера связана с понятием смерти. Пока мы ее не познаем - не будет ничего. Смерть - сеть мер. Пока мы не познаем этого ловца и почему несётся он смертельно мерами сетей.

О н а. Сеть мер Земли на карте - параллели и меридианы. Карта офицера это - квадрат такой-то, прицел такой-то и бабах, и... Знание - есть знание координат, где единится всё разнообразное. *(Обнимает его.)* И негр за компьютер единится с уже отпиленной головой - с понятием знатным смерти - высшей истинной меры мирозданья. *(Нервически отстраняется.)*

О н. Тебя, блатнячка, специально заслали в Париж меня заковывржить? Спокойно вору-пахану завязать шакалы не даете!!! Ни хера, координаторка - подвиг такой не сжарится со мной!!! *(Бьет «кондо» по кровати.)* Сколько им, лягавым, здесь людей вмесорил - генных ваших благородий, на хер. А теперь вот им тут не нужен стал мокрушник ударный - коммунизма стильного труда мокрушник замертвелый сетью кагебушных мер. Не тех, говорят, стал отоваривать по своей гебической инициативе - не тех сексотов, сука. Девятерых-то крупняков я им исполненно по ксиве захерачил. Но после вот девятого - Эннеады - Бесконечной Полноты - начала нового этапа духовного развития - чей-то, Мань, надрыв какой-то в душе действительно скачнулся - хер проссышь, мой хер лохматый, ты моя последняя надежда. *(К иконе.)* В Нерождённый Свет Божественный на цифире этой

инициационной магической уверовал - в то, что Бог здесь на Землюшке есть и освящает все деяния, которые осознанно творим. И когда прихерачиваю теперь какого раздолбая смуглого, сука - вера, мать, сука, моя светлая - пуще в темень разгорается-становится. Бог мне теперь на кого святым перстом покажет - того и заделываю, на хер, для ресторана китайского.

О н а. По цене собак и кошек человечинку у нас чурки скупают китайские - по дешевке, сука. Раз блюдом-то готовым угостили повара. У нас в духовке куда вкуснее негры получают. А раз мы им китайца одного въершили. С потрохами всеми китайца-то китайцы завершили.

О н. Так в мертвеца тебя преобразят - что сразу станешь млечным ты путем. Семь камушков - плоды Святого Духа. Тринадцать камушков - Иуда откололся. А при множении мне девяносто один труп математично пришивают. Я следую в размеры деревянного костюма. Не геометр - не войдёт - Платон ещё изрёк. Там девяточка лежит эннеадичная, единица - что нас всех тут гробом еденит. Но в Идее - гроб хрустальный, заповедный, музыкальный - вот где надо жить. С последним негром китаёнским - сто сорок девять жареных в духовке оказалось вкусных поросят. Сегодня поджидаем негра юбилейного - как великий праздник.

О н а. Но ведь нет же монстров в Знании!!! (*Бьёт его по почкам.*)

О н. Ух, ты и... С ней, как с человеком понимающим! Сука!!! (*К иконе.*) Не гневайся, Боженька мой, - я тебе сегодня с большим удовольствием на жертвенный котел дипломата с Зимбабве отправлю. Иконками придет здесь торговать - Тобой, Всевышний мой придет, женива, приторговывать. На таможенке его не проверяют. Мою таможню не прошмыгнешь. Ссышь, Сарочка?!!!

О н а. Я не Сарочка!!! (*Бьёт его по почкам.*)

О н. Ух, ты и... Как только тебя, кошку еврейскую, зебру домашнюю помоечную, в нашу школу-то зазнацали? А чего у тебя нос горбатый, Несарочка?!

О н а.левой ноженкой на спаринге по черепочку вдолбашить наметили, да только грабкой правой в полете по сопатке задели, когда сама козлу яйца пяткой колола, сука.

О н. У меня, коза, не поколешь мои яйца пасхальные, Несарочка. Ты внимательно давай соображай за настоящее, если хочешь жить, сука, за будущее!! (*Бьёт «кондо» по кровати.*) Полкаш-генералисимус трезвонил - на помойке тебя подобрали, чумазую. Тарч гебушный это, Сонечка. Если тебя цэрэушник завалит - ни одна бациллочка кровная твоя слезинки не обронит. Кайф дубецкий, сука!!! И за время учебное, если уроют тебя - слёзочку тоже некому точить. Вон Тарасика - красюка твою, не по той точке на тренировке вжарили по темечку - зашлаковался в маразм мальчишечка. Я вжарил, Софушка. Ты ж, мразь жидовская, его одного, Абрамчика, блюбила. А у меня на тебя хер стоял

африканский, негритоский, сука. Предки мои меня, идола погонные, в те классы с шести лет, сука, нас заскладировали.

О н а. С шести летушек любовь наша, дружбочка, сука, казенная камчатская тянется - с шести леток, Глебушка.

О н. Она еще не Сарочка. Если цэрэушник стреляет в шпиона ординарного, то в какой глаз он ему целится, в тот и попадает, сука.

О н а. А если цэрэушник стреляет в контрразведчика, которого в нашей школушке с шести летушек приемчикам драчили гипнотическим убивческим, то цэрэушник-горюшко случайно-неслучайно масленка свиначного девяткограммового под лобешник свой дебильный загипнотично самолично ввертывает, сука!

О н. Ты, Манька, тварюга, Несарочка, кончай меня гипнотизировать. А то я, точняк, ща тебе этой кондой позвоночник по косточкам в хоровод пуцу - хер когда больше пред членом африканским могучим раком стрункой согнешься-натянешься. Нету боле Захара твоего, Анисья. Пожертвовал я его, язычника, однокашника нашенского. Примчался намедни в Парижик сюда мени на смертушку новую-старую гебешлительную сватать. А я по цифрьему веленью девяти уже работать эннеадно принялся. Ну, я его и остудил сажалом малость. А теперь вот ты, овца, причапала обстоятельства прояснять переметные. Несарочка!? Холодно?! Хребет поломаю, холодец замастырю - чай холоднее немножко, чем в «Юрюзани» в морозилке будя!!! *(Бьет «кондо» по кровати.)*

О н а. Ты сначала попробуй заломать мой хребет, пидармотина! В меня, в хребет мой девственный целился раз один ментик с пятнадцати метров - в шейный позвонок мой девический. Я с подружкой, сучкой Аннушкой моей ненаглядушкой на пузырь водяры поспорила, что ментик сам себя маслятами свиначными накормит. Я улицу перебежала, а он у меня трешку отобрал последнюю, парашник. По тем временам деньги приличественные. Водочкой я тогда изрячно нагуделась в урезон.

О н. Вчера тоже мимо пивной проходил: тоже один, видно, бывший мусорок гаишный-шурупный - гривенник шакалил. Я ему вежливо, как хранцуз, сказал: где сядешь, там и уповаю, паря. А поначалу могу интегрально-дифференцированно интеллигентно расшифровать, что такое девять лет с шестилетнего возраста в академии контрразведки совейской. Ну, он и еще два его корешка захотели расшифрованной информации - как цэрэушники, сука. Округ мене, пидары, встали - члены информкружка. У одного кастет, у другого свинокол, а основняк - ремень с солдатской бляхой-мухой на изготовке держит - ща, думают, чувачка будут потчевать. У меня корпус неподвижный, сука. Двоих винтов я движением правой ноги в заход ввернул, до центрального - основным и указательным пальчиками с левой ладошки, сука, до ушка дотянулся и оторвал ушко-то, чтоб думал ушами лучше. А когда он, чебурашка,

пластанулся, штепсель его сопливый в ряшку своим каблуком керзушным вдавил - нет в мозгах профиля, на ряшке тоже пусть его не будет, сука. Потом спокойно так, без нервов, без суеты так – ну, как полкашу положено - пошел пивка степенно попил с креветками холестериновыми, потом домой к тебе в семью пошел. Обосрались мне, на хер, эти на каждом углу кантовки шпаненские в моем возрасте. Упоения-то в бою не испытываешь, когда тебе в туалете ребята боевые за три копейки голову ампутуют. Ты хер какой приемчик против ножовки применишь, сука. Особливо если диск вращается электрический, а ты на столе привязанный. А ты ребеночка, Христосика, от меня хочешь - мое подобие, сука?!!!

О н а. Нет, ненаглядушка!!! *(Бьет его по почкам.)*

О н. Ух и в почечку как точно... Сука, снайперша... *(Обнимает коляску.)* Спаси меня, мой Боже правый!!! *(Плач младенца.)* Услышал. Простил, на хер!!! *(Встает. Плач младенца прекращается.)* Долбишь, меня, долбишь - почки болят - никуда негодными, совсем камнеподобными почки стали, сука! А дьявол все не выходит и не выходит из меня! Русская судьба, на хер! Сильнее надо бить до умопомрачения, зэчка!!!

Она замахивается, чтобы его ударить.

Не-е! Сильнее не надо. Убьешь же, на хер!!! А мне еще Париж покорять в судьбе написано. На проспекте Абая пивную знаешь?

О н а. Тусовки там хипежные.

О н. Ухо там должно еще лежать. Собаки, правда, кошки, на хер, за ночь могли захватить ушко человеческое. А, мож, и лежит еще за урной ушко-то - ждет вечной жизни, сука. Вот оно, ушко-то *(достаёт из кармана ухо)* - мясо холестериновое - республика независимая, сука. Хошь? *(Протягивает ей ухо.)* Сам хочу. *(Ест ухо.)* Хрящик, сухарик - тело Христово, сука, чистоты сомнительной и свежести. Ты ж знаешь, дочка, я по кунфу первое место в школе держал. Чарбан какой кому с плеч в долю секунды грабкой срезаю и улетучиваю, на хер. Но если ступней свинечной по котелку всажу, на двадцать метров ядрышко с мозгами отлетает бестолковое - только кровью прыскает. Надо под грызло резко бить там, где у ты родинка транссексуальная - и на тридцать метров хлебальник отлетает, на хер. Точки на организме надо четко, как тибетский китаец, знать - это самое главное, чтоб не наколотся - чтоб тебя сами китайцы не съели, на хер, голову отбив. Меня, вон, на тренировке - Викентий - полкаш твой афганский, не по той, ха! - по той, сука, точке втемяшил, мазурик, и твой барон-полкаш афганский я - в шлак сыпучий отсбрыкнулся, Ириша. Че, на хер, сука, мать довольная, отворачиваешься?! Ты давай, ща, на мой ротельник

смотри внимательно - не криви хайло, сучка! Пена у меня из зева пошла опять смердная?! Тошнит маненько маменьку?! Вот такой пастюшкой и будет Ермолаюшка хер клиторный отсасывать у Варюшки своей. Сорок процентов детишек нас в шлак угорает во время обучения. Я на девятом годе в шлак уконтропопился - почти на выпуске, сука! Ссышь, хипесница?! Ща, погоду, ща у меня мозги совсем выключатся и если скот упырьский, супротив меня по стойке смирно стоящий, мне не ндравится, то кумпол этого скота жидовского на сотни метров улететь рискует селезнем подбитым по инерции, сука Манечка! Только не дергайся с места - ты мне сразу можешь разонравиться, жидовочка чернявочка стопятидесятая! Признайся, корпуснячка, послали тебя сюда в Парижик с просьбушкой гебешной, конвергенцией уделочной - меня задуборезить, Фирсушку, холопа ненужного. Против эмигранта, падла, идешь, сука, русского?!!! Ты бачишь, я здесь в Парижике уже и не Россия, на хер! *(Бьет «кондо» по кровати.)* Ты одна Россия, сука, с ударами по почкам, бачишь?! *(Бьет «кондо» по кровати.)* Сереженьку нашего, на этой кровати зачавшегося без Бога Отца, оставить хочешь?! *(Бьет «кондо» по кровати.)* Непорочная целочка Машенька! Я тоже Россия, сука! Мне тоже жить хочется семьей России христианской, сука! Другие что - меня получше? Ты найди, на хер. Это так же, на хер, невозможно, как и лучше тебя найти нечто - с клитором в целке. А ты баба дура, еще бунтуешь первая. Жена, а трахнуть не дает. Да где ты себе второго мужа пидара такого найдешь еще, наездница? Ну, убей меня хоть тогда, коронным ударом своим контрразведческим, чтоб все сосуды лопнули, а сердце в желудок ухнулось на успокоение, Мать Христеночков моих, Девка Непорочная. Не убьешь - так я тебя уделаю!

О н а. Была бы, сука, разница!!! *(Бьет его по почкам.)*

О н. Ух, ты и... Все-то ты знаешь, жидовочка гениальная, сука! А кто много знает, на хер!!! *(Бьет «кондо» по кровати.)*

О н а. Да успокойся Абрамчик. Закури «яву-явскую», успокойся малость, молоток. Ты и без билета белого Абрамчик. *(Дает ему сигарету.)*

О н. Где достала явку закурить? *(Закуривает.)* Одна пачка только?

О н а. Блок. *(Закуривает.)*

О н. Ну, ты оторва по нашим временам. А как курить нас отучали в интернате нашем, помнишь?

О н а. Спокойно.

О н. Как это спокойно?!

О н а. А спокойно отзывает тебя полкаш-препод в сторону после тренировочки: скипидарно, ласка ты моя, Аннушка, удар по почкам засранца Венечки у тя сработался - на тебе в услуду «мальборушечку», не бзди, кури спокойно пацифически - не застучают.

О н. Во-во.

О н а. Ну, ты, как слабачка, берешь, смолишь, как человек, пацифически, а на следующий день - амбец престольный - вода с цементом-карцером.

О н. Во-во! Этот же полкаш сажает пацифический. Разводить за жизнь умеют охмурялы, сука.

О н а. А фильмец какой цветной каждый раз перед боевой борьбой для затравки садистической крутили? Американский.

О н. Американский? Цветной фильмец про негра, что ль?

О н а. Про него зазнобу.

О н. Ни хера не помню.

О н а. Да ну, как же ты запомнил такой фильмец-то сексуальный про негра голого-родного, с глазами голубыми?

О н. Карие глаза у него были, Машенька!

О н а. Тем более. Сказочка как подходит цэрэушник к негру-смертнику со стула, сука, электрического снятого для кино-то нашего учебного, и профессионально так сексуательно пхает цереушник негру в клеть грудняцкую кунфу ударчиком рученку свою махоньку - с пальчиками скрюченку и суперсексуально нежненько сердечко красинько из негра вырывает, и негр пять секундочек, да с половиною глазами кровавыми сердечко свое вольное в ладошках мягоньких видит цэрэушника - будто в ванночке кровавенькой ребеночек полощется, Христос Спаситель крестится. И за пять секунд, да с половиною негр с ума, как с горки ледяной соскальзывает и умирает не от сердца вольного независимого, а центра мозгового кровотечения. Редчайший кайфец леденцовый - повидать свое сердечко вольненьким в Свободе Мира Абсолютной.

О н. А, ну как же - вспомнил. Это ж смертника барона с глазами, сука, точно, карими афганскими, привели к нам в колледж снимать на кинокамеру. За кордон барон ушлебаться хотел, да людей ненароком при этом пококал. Ну и вмастырили вышку нашу-то киношную барончику - чего добру-то пропадать с пулей через затылок в камере.

О н а. Мечту его детства исполнили - в кино сниматься. Раздели, гуталином черным под негра красить стали. А он не понимает: в школе ведь средней процессия, в зале актовом, пред детьми тринадцатилетними.

О н. И вот хер его только баронский белым, сука, остался. И принялись хер-то ему вазюкать, а он, ишак, что-то заартачился. Пришлось по хребту вделать мерину - докрасить член - полутораметровой угорёк его!!!

О н а. Вот когда хер его элитный встал-то у него во всей своей красе и всем своим величии-то царском! Но зажгли прожектора, камеру направили. И вот подходишь ты к нему, Венечка, в форме зеленых беретушек американскеньких и нежненько так, нежненько-стремглавчески кон фу ударчиком суешь в него меж ребер

гуталиновых рученку свою девственну и на свет Божий сердечко-солнышко живехонько выносишь!!! И не холодно сердечку-то тому, а очень горячо!!! В тот миг я и влюбилась в тебя, Венечка!!! Безрассудно влюбилась, миленький!!! У Отелло-то накрашенного - хер без сердца в моментальник скукожился. А у соседа хер большой - я к нему и пристроилась, ворсатику!!! *(Бьет его по почкам.)*

О н. Ух, ты и... блоха - махна парашная. Я ж, как свово ребеночка, держал его сердце, цветочек аленький, сука, Тося Нерушимовна - Христеночка свово! И ведь когда барон этот, Отелло гуталиновый, с членом скукоженным, грабку, рученку-то свою кусошную, протянул, сука, - дай, мол, сердечко-то назад, дружочек - моё, мол, сердечко кровное, я ж ведь по состраданию нечеловеческому к жиду, еврею этому барону предательскому - нарушаю я, сука, инструкцию в доперестроечное херсломаешное времюшко, Машенька!!! Даю я ему его Христеночка-сердечко. И вот взял он свое чудо-красно-солнышко и обратно в дырочку меж ребрышек гуталиновых, как в целочку ребеночка зародить пытается. Да не успел барон Мюнхаузен - грохнулся в лужицу кровищи-то своей, да гуталиновой. Когда прожектора-то вырубил, а свет-то еще не зажгли, я сердечко его в пластик, чтоб не текло, и в карман. И тебя, суку, потом угостил супчиком сердечным холестериновым. Нам там в интернате за десять лет - хоть бы раз мяска бы дали. Теперь наворачиваем. В какие годы голодные я тебя, суку, мясом сердечным за бесплатно кормил, а ты мне в награду, сифон трипперный, на конец заформила. Только скажи нет - загуталиню без предьявы, целочка!

О н а. А какой денёк у нас попался, когда я кончила мента - шайбу шурупную гаишную. Потом полесбиянчила с подружкой балеринкой Аннушкой, обожрались водярой, захотелось дальше приключений. Пошли в кабак. Ее майор кантуженный тут же взхомутал - в номера повел лудить. А я гляжу: у стойки хиппи голодное дробливое стоит – и на меня закинулся тот хиппи.

О н. С двадцатью копейками в кабак приканал - ломовиком хер стоял человеческий!

О н а. Ну, поканал танцевать, педрило.

О н. Мож, потрахаемся сначала, познакоимся. *(Обнимает ее.)*

О н а. А чё мне платье членом-то рвешь, небось, не казенное платье-то?

О н. Баклань больше, на хер. Канаем трахаться. Хата свободная ждёт. Предки в Южной Амазонии с папуасами каннибализмом занимаются. Им везет, а мы чем хуже?

О н а. Один, сука? Отвечаешь, на хер?

О н. Да один я хер, в фатере, сука. Мало думаешь будет? Удовлетворю.

О н а. Мало не будет. Водка, бар?

О н. Бар, водка - идем факаться, на хер, быстро, удовлетворяться на пять баллов.

О н а. Наколол же, сука, ёк у тебя водки двоешник, сука. Мороженое хочу.

О н. У меня ж хер в кармане ночевал.

О н а. Теперь лишь только знаю, на хер. Одуванчик голый девочку ведет факаться половым путём. На хату быстренько привел - только жрать там нечего.

О н. Акашовкам - только бы пожрать. Чем и проверяются. Макароны есть! Килограмм залопала!!!

О н а. А потом разделась, на хер, добросовестно!

О н. С целки Кристиан Диором шибануло - чуть не угорел, в предел!

О н а. Недоволен? А членом надо лезть в вагинку, а не шнобелиной своей горбатой, семитской, сука.

О н. Блин, впер-то в жопу продолжительно - визга-то сколько счастливого с тебя вышло внушительного, сука.

О н а. Удушила б, на хер, без счастья законечного, педрила. Это у педрил только двадцать копеек, чтоб пофакаться. Когда в попку имеешь девочку, ребеночка не бывает, Венечка! *(Подходит к коляске. Плач младенца.)*

О н. Тебе одного мутанта, сука, алкогольного «принца-сына» мало? Барон ей, граф, Отелло, рыцарь, сука, заделал «принца», а я холестеринься тут мощами этими младенческими. Мясо было б как у негров-то с «принца» твоего. А то на чужих детей духовку жечь, чтобы сожрать там нечего - лепестричество валютное расходовать.

О н а *(отходит от коляски, плач младенца прекращается)*. Когда барон от меня уходил, он сумку с картошкой на хер повесил и сказал пророческим басом Шаляпинским: хер ли ты, дура Манька, когда еще себе такого члена найдешь таранного-тарзанного Шилепина. Из-за тебя, педрилы, какого барона, на хер, сборонила. Никогда барон не трахал меня в жопочку - чтобы без маслица - очень уважал.

О н. Чиво?!!! А забыла, сука, менстра у тебя была и я тебе на спину залез, да членом стал вдоль и поперек по позвоночнику гладить - ты кенарем трели-то заахала, сука, от удовольствия преддверия очкового и сральничек сама на хер-то мой без маслица навьючила. А как впер-то, без смальца впер активно - это ж сразу ясно стало, что отверстие анальное у тя глыбоко-глыбоко полезно ископаемо - что и смальца не нужно. А вот отжарил, когда после макарон я в задницу тебя, легла дремать ты к стеночке. Только смотрю: на ногах, под жопой - волдыри сифонные. Чёрт, залетел, сука, думаю. Тебя бужу, а ты пердишь только жопой своей, спермой укормленной. Паникую, сука! Вспоминаю: в Клайпедде матросы учили - укол надо в течение часа сделать, обойдется

всё сифонное-микробное воздействие. Десять минут после траха уже протикали, пятьдесят минут осталось рыбке воздуху в воде. А на тачку до диспансера - двугривенный. Студент же нищий я, сука! Ну, беру с полка классику: Пушкина, Толстого, Есенина, Высоцкого. Час ночи, а я с классиками под мышкой в кондовых сабо деревянных бегу на шоссе тачку ловить до диспансера сифилитного. А тут менты-винты, суки - дорогу перегородили. Дом-то мой в Алма-Ате, супротив особнячка кунаевского. Бабка всю жизнь у него личным поваром путанкой проработала. Я ментам - правду правдивую.

О н а. А они, суки - слюною обливаются.

О н. Да уж это – мат без шаха!

О н а. Не верим, на хер, веди к шалаве, можь, ты ее грохнул на мясо, действительно, сука!

О н. Чиво?!!!

О н а. Веди, студентик, на хер!

О н. Да, чурки - сорок минут времени укол антисифонный всабачить осталось - жить, сука, хочется!

О н а. А кому не хочется-то жить? Идем, Степаша, на хер.

О н. Пришли - одеяло с тебя сдернул, сука! А ты, как сиранешь-то в глаз начальничку спермою из жопы – он и сразу понял, что сексапильности в тебе на целый Казахстан, сука, хватит, да еще останется. Отпускают. Дую на шоссе. «Чайника» ловлю. Входит «чайник» в ситуевину за два-то тома Пушкина. Подкатили - двадцать пять минут осталось кислорода. Отпускаю с богом «чайника». А диспансер-то на запоре, сука!!! Тут, к счастью, в «москвиче» хохол узбечку трахать везет во Фрунзе. Входят в ситуевину за оставшихся классиков дворянских как бы платонических. А после укола, блефую, едем ко мне, водкой залью - неделю не просохнете, трахаться в бабкину комнату пуцу, в больнице все никак не помрет бабка моя, на хер. Иль групповик устроим, ежели желание... Чую - зарпортовался что-то. На хер обосрался им сифонный групповик, влюбленной парочке, предчувствую - ведь в диспансер сифилитический меня везут - женский уколоться диспансер. На часы смотрю мандражно - кислороду чтоб только по времени хватило, сука. А тут еще, на хер, в глыбу цементную врезаемся. Починяемся!!! Подкатили - пять минут мне жизни в кислороде, сука, ограничено. Вот, говорю ваши книжечки классические, на заднем сидении мною оставлены, обложки только протрите дома - я ж еще вдобавок спидовый, ребята. «Анну Каренину» без протирки читать будете - СПИДом то есть сифилисом, на хер, зачумлеете. Совсем с отчаянья что-то забазарился, на хер, сучара!!! «Анну Каренину» с горя про себя петь начал!!! Дверцу «москвича», сука, захлопнул - они тут же кометой урезали, на хер! Ну и хер с ними, с лажовщиками. А в проходной диспансера - менты, сука, с датами бабами и овчарками

немецкими. Не вошли в ситуевину - как их не просил умолительно, как ни заливал их, на хер, водкой, которой в помине не было.

О н а. А ща врачей нету - чеши отседа, пока уши не откусили собаками охранными породными, кот чеширский, тварь!

О н. Да хоть санитарка какая, уборщица грязная, пусть кольнет укольчик-то антисифонный!!!

О н а. Не повторяем предложения! *(Замахивается на него рукой.)*

О н. Ох - основной там в печень пиксе мусорской ногой вдуборезить щекоталось, да пощадил себя - неравные силы были с собаками. Да и прошел за базланом-то час положенный - настроение ниже матки опустилося. Заразился от тебя, мурловки гнойной, сифилином. Руки в брюки, хлобысть - рублишко повстречался. Везет меня он до дому. Ать! Менты-винты кунаевские у подъезда караулят. Так и так: все им, сукам, искренне. Ну, так хер-ли, же: оформлять клиента будем и разносчицу. Вот сели на кровать они бабушки - объясняйся, говорят, с дамочкой. Бужу тебя даму разносчицу. Сифилисом, Танюха-киска, пацанов гнедых заражаешь?!!!

О н а. Я тя ща как вштампую по хребту, Федя, бабьим своим ударом крученым-верченым по почечкам!!! *(Замахивается на него.)*

О н. Не надо!

О н а. Надо, Федя, надо!!! *(Бьет его по почкам.)*

О н. Ух, ты и... Во-во, как лупишь-то отличница, Марья-мастерица, искусница зараза ментовская!

О н а. Служба мирная такая. Когда из кабака не заплативши убежала стекло витринное я ненароком кокнула и, поскользнувшись, попochку поранила, а ты с испугу, трухарище, раночки стекольные за шанкры сифилисные принял.

О н. Покажь!!! *(Задирает ее платье, рассматривает «раночки стекольные».)* Точно – раночка стекольная. А потом я, когда с Караганды с гастролей театральных возвернулся, тамошних чуркмечек с ранками окучивал - на жилетку мне бабулечка моя родная плакать кинулась при встрече-возвращении моём.

О н а. Ох, ты мой внучёк-милочек - тут в твоё отсутствие два ментика-приветика бахчами бахчевыми всю душу задолбасили. Притаранят мешок с дыньками и - «мы от Венечки-то от тебя кровинушки» - и на кухню телочек ведут. И рачком там траханьки целыми ночами. А у меня ж, хрычовки старой грешной, швабры-то кунаевской, нет удержу - как насмотрюсь-то в скважину замочную - будто Азия от Аза и до Я меня вся в жабры жахала упряжно расторможенно. А мне жить еще хотца, правнуков своих - Булатиков с тебя повидать - принцев независимых.

О н. Да уж так менты кунаевские подрядились на халяву трахаться у бабушки. Идеюшка зато взамен - с замочной скважиной подкинулась. И

решились мы с тобой занять хатенку бабушки в свое пользование. Привел тебя и при бабушке трахнул. И сердечный приступ тут ее хватил зараз. Не хотела комиссарша моя бабушка в цековочной больничке окочуриться. И никаких улик: хер и целка, да и вздохи-ахи на другой постели.

О н а. Можно больше денег заработать, если грохнуть там кого аппаратиком. Сделаешь? Ты ж МВТУ кончил бауманский, сука.

О н. Какой аппаратик?

О н а. Имеешь сначала ремень такой кожаный, как у штангистов. А на ремне со внутренней сторонюшки - ножичек радиоуправляемый дистанционно, сука.

О н. Ну!

О н а. Ну - одеваешь этот ремешок на богатого хранцуза-миллиардера, сука, штатовского и ведешь его в банк, хорошенького, доллары со счета снимать.

О н. Ибо в противном случае ножичек из ремешка-то кожаного зашампурует, сука, миллионщика. Манька ты моя идейная, рожальница ребьеночков золотеньких!

О н а. Кнопочка та под ножичек в коробочке. А коробочка та в твоём или моем карманчике! На хер негры нам сдались печеные.

О н. Попрятали в банки хранцузы свою денежку лимонную валютную. Выковырем, сука! У Горбача, на хер, свой путь поковырять как доллары для народа, как бы. А мы, народ, пойдем своим путем, на хер, - как Ленин, сука! (*Проводит пальцем по горлу.*) Я еще покажу, сука, как профессией этой (*проводит пальцем по горлу*) гебешной жить надо и можно, и нужно подольше. Моя ты, Манечка, по научной части МЭНЭЧе, сука. Академиком научным назначаю - только шурупь, шестери давай мозгами в нужном направлении. Мы теперь граждане Хранции - ты своего фирмача сименталиста католиста скушала, я свою подружку в космос на другие планеты, на ту сторону Земли, навсегда отправил. Пусть там на хер, на Марсе (*показывает на землю*) покумекает, как нам здесь, советикам, на ихней западной земле, помойке супермаркетной, живётся епахально. Моя ты, сука, Манечка, кровинушка народная родная. Ух, люблю, сука, за идейку - придушить, аж, сука, хочется. (*Сжимает «кондо» свое горло.*) А наковыряем миллионов - ты ж и того - ты ж и на меня ремешок потом радиоуправляемый накинешь, сука! Аа?!!!

О н а. Я б хотела, если откровенно. Хер ты только дашься. Силу дополнительную надо приложить.

О н. А во сне?

О н а. Да во сне я и так просто тебя возьму и свиноколом продырявлю, на хер, пороса.

О н. Ты точно сможешь после чёрных и меня здесь альбиноса рубануть.

О н а. А ты меня не сможешь, на хер? всю жизнь нас этому учили - работали потом ещё специалистами зачистки, типа, Никитой - всю эту незабвенческую жизнь.

О н. И как же жить мы дальше будем?

О н а. Да так - как дальше и живём.

О н. Рискованно, в муму.

О н а. Раскованно дуплетом.

О н. Я ж тебя люблю, при всем при том-то, на хер - целым мозжечком.

О н а. Взаимно сердцем ледяным вздыхаю.

О н. Поклянись, что руку с утюгом не поднимешь, сука, на меня во сне.

О н а. И ты поклянись соответственно.

О н. Клянусь, на хер, следственно!!!

О н а. И я клянусь, сука, девственно!!!

О н. Врёшь ведь, ведьма, безответственно?

О н а. И ты ложь гонишь пидар бедственный!!!

О н. Еще, мож, идею, какую гнедую родишь или трахаться будем всё же в натуре?

О н а (*бьет его по почкам*). Трахаемся же, в натуре натурально!!! (*Бьет его по почкам.*)

О н. Ух, ты и... Ух, ты и...

О н а. Ну, чуешь хоть немножечко сердечную целку мозжечковым членом-то своим?! (*Бьет его по почкам.*)

О н. Ты, сука, точно у меня допросишься потрахаться!!! (*Размахивает «кондо».*)

О н а. Сереженька!!! (*Бросается к коляске. Плач младенца.*) Спаси меня, Сереженька родной!!! (*Плачет.*)

О н. Смени пластинку, грёбаная мать! (*Достает из коляски магнитофон, выключает - плач младенца прекращается. Переворачивает кассету - там звучит дешёвая попса голосом самца. Кладет магнитофон в коляску.*) Шалапин, на хер. Жарко, сука?

О н а. Жарко!

О н. А мне холодно, напротив. Ну, как согреться без энергии потери здесь на белом свете чумовом?!!! (*Бьет «кондо» по кровати.*) Ну что, сука – знаешь, как просвиноколотить человечка, обучалась?!!! (*Бьет ее «кондо» по спине.*)

О н а. Нет!!!

О н. Врёшь зараза чумовая!!! (*Бьет Ее «кондо» по спине, Она падает на пол.*) А ну, вставай-ка, на хер, рыбонька вареная. Совсем же забью - вставай, честнячка, на хер! (*Бьет Ее «кондо» по спине. Она встает.*) Ну как - прибавилось ума?

О н а. Я жить люблю, Венечка. У меня ребеночек от тебя будет - Сереженька. Ты ж без гондона трахать меня теперь будешь, Иосечка!!!

О н. Мизинец бабе дай - всю руку - мозговую косточку сглодает.

О н а. Ты не беспокойся, Иосечка - я научу Сереженьку нашего из негров печеных тоже делать кушаньки. Ты полюбишь его, Осечка - подобие своё! Только ты сам не кушай больше нашего Сереженьку-Христиночку. Только не клянись. Скажи мне только Нет - которое есть Да.

О н. МиНет.

О н а. Ну, спой теперь волшебную «Каренину»!

О н. Спать надо - завтра на завод вставать рано, всех соседей коммунальщиков мудозвонов ступенских разбудим, на хер, на свою голову.

О н а. Спой.

О н. Ох - уговорила! *(Поет истерически на манер зэков.)*

Как на ступинском мосту

Поп все молит Богу -

Чтобы Бог ему послал

Хер с телячью ногу!

О н а. «Анну Каренину» - только «Анну Каренину»! Пожалуйста!

О н. Забодала барышня-крестьянка! *(Поет истерически на манер зэков.)*

Как-то я по лесу шел

Целку вдруг в кустах нашел.

Шкурку снял, а мясо съел -

Только клитор захрустел!

О н а. «Анну Каренину»!!! *(Плачет.)* Ну, пожалуйста!

О н. Ну, ты, телка слезливая, «Анна Каренина», сучка. А ты мне поднесла под «Анну Каренину», ты мне скажи, - ты мне поднесла, тварь?! Ты мне курочку с рисочком в супчик зажилила!

О н а. Ну, хотя бы про Шарлоточку стишок мне расскажи!

О н. Люблю я про Шарлоточку стишочек.

Я драл когда-то девочку в Париже

в начале первого вагона на Монмартре,

но было это верно не в начале и

было это видно не в конце.

В начале драл я Вику в попку и

было это тоже не в начале -

скорей наверняка посередине -

к Рязани ближе территориально.

Но ощущение были, что и не в Рязани -

скорей наверняка в Алма-Ате,

где я драл Анюту в рот в театре

и часто даже не в самом театре,
а просто раком на природе голой
в горах Илийских где-то в Алотао,
когда я девочку в Париже мило драл -
С Шарлоттою названьем номинальным -
секс в попку был давно
означен как анальный,
Но не в названье дело было и не в криминале -
все дело было в том, что не в начале
я драл Шарлотту с членом на конце.
Я драл Шарлотту поначалу в тёплой ванне,
отеля близлежащего в кольце.
Потом, как помнится, уже и на диване,
но и не так как Ксеничку в Самаре,
тем более не так как Милочку в Москве
и уж совсем не так как Леночку в Анапе,
тем более не так как Натали я драл на Невском в Ленинграде,
не говоря о Жанночке с Тамарой,
которых раком с кровью я драл в Череповце.
Шарлотта хер брала так идеально,
что мне казалось я деру ее в Париже,
хотя на самом деле я и драл ее в Париже,
но мне казалось, что опять Анфису я деру в родильном доме и в
Караганде!
Когда в начале первого вагона на Монмартре
вонзил ей в попку свой сентиментальный,
который в рот брала Шарлотта гениально,
но в попку было лучше, чем в начале,
когда она качала хер на языке
в начале первого вагона на Монмартре,
когда ее ты стоя с кровью драл с любовью на конце!!!
О н а. А про Анну Каренину спой.
О н. Сама пой, на хер, свою «Анну Каренину», сука!
О н а. Хорошо. Просишь - спую! (Поет.)
Семнадцать годиков мне было -
Я полюбила сорванца -
Он был красивый сам собою,
А я как розочка цвела.
Толкнул меня ногою Вронский -
Уйди, девчонка, от меня;
Ведь ты же знала, с кем гуляла -
Ведь я же Вронский - ты не я.
И я пошла по той тропинке,

Что прямо к линии вела
И долго-долго я стояла
И долго поезда ждала.
Вот поезд мчится-мчится-мчится -
Легко на рельсы я легла,
И жизнь покончила с собою.
Ведь ты же, Вронский – ты свинья.

О н. Убью этого твоего Вронского - допросишься!

О н а. Вронского нет давно, Ёсенька.

О н. А мне, на хер, Вронский тут мне сдался, чтоб трахать тебя, Анну на шее, Шарлотку-заглотку! (*Бьет Ее «кондо» - Она падает, не поднимается. Он встает перед Ней на колени.*) Спаси меня, матушка! Не могу Россию обуздать! Не могу обуздать себя, матушка!!! (*Держит «кондо» перед собой.*) Власть моя, сука, на хер!!! (*Сдавливает горло «кондо», задыхается, падает.*) (*Затемнение. Через некоторое время раздается плач младенца, освещается одна коляска, видно как идет снег.*)

О н. Мать-Мария - Он проснулся, воскрес Он наш И... И... Христосик Иванушка. Ты слышишь, мать-Мария?

О н а. Слышу, Иосиф, слышу. Ты спи, спи, родной - я слышу.

О н. И снег пошел - настоящее Рождество, Мария!

О н а. С Рождеством тебя, Иосиф.

О н. Христос у нас - в настоящем вертепе родился, Дева Мария.

З а т е м н е н и е

Париж, 1991

Москва, 2000